

О. В. Косоногова

**Юридический дискурс:
лингвопрагматика имени собственного**

В настоящее время в лингвистике достаточно актуальным является изучение имени собственного на уровне профессионального дискурса, так как лингвопрагматическая и национально-культурная специфика имени собственного как комплексного знака отображает исторические, философские, социальные и культурные факторы формирования дискурса и является зеркалом ментальности его участников. По словам Ю. С. Степанова, «дискурс — это особое использование языка ... для выражения особой ментальности, ... особой идеологии; особое использование влечет активизацию некоторых черт языка и, в конечном счете, особую грамматику и особые правила лексики. И... в конечном счете, в свою очередь создает «особый ментальный мир»¹.

Формирование новой научной антропоцентрической парадигмы в современной лингвистике привело к смене принципов и методов исследования языковых явлений. При антропоцентрическом подходе исследователя интересует, прежде всего, речемыслительная деятельность говорящей личности как субъекта познания и коммуникации. Исследование речемыслительной деятельности способствует

пониманию социокультурной предопределенности коммуникативных мотивов говорящей личности, поскольку в каждом своем высказывании индивид порождает свой собственный (в том числе профессиональный) дискурс, особым образом обобщая, концептуализируя и оценивая действительность.

В разных профессиональных дискурсах социальная действительность конструируется разными информационно-когнитивными системами, поэтому представление об одном и том же объекте актуализируется в них сугубо индивидуальными языковыми средствами. В современных лингвистических изысканиях все чаще поднимается проблема профессиональной познавательной деятельности говорящей личности в процессе восприятия окружающего мира, которая преломляется сквозь призму оценок Я, формируемой мыслью и выражаемой в языке. В этой связи определенный лингвистический интерес представляет собой язык юридических документов, таких как нормативные правовые документы, документы интерпретационного характера (акты официального толкования права), индивидуальные правовые документы (правоприменительные акты), фиксирующие пра-

вовые документы (индивидуальные правомочия, факты и др.). Их тексты «являют собственно право»², говорят «языком права»³.

Юридический язык, как и другие профессиональные языки, коренным образом отличается от языка общего употребления. Он имеет свои лексические и грамматические особенности. К таким особенностям относятся большая насыщенность юридических материалов юридической лексикой, основную часть которой составляют юридические термины; наличие в письменной и устной речи на юридические темы особых идиоматических выражений и фразеологических сочетаний, не употребляемых или редко употребляемых в общелитературном языке (судебный пристав, оспаривать иск и др.). Также этот перечень может быть дополнен некоторыми стилистическими отклонениями, например наличием оборотов официально-канцелярского стиля в документах, посвященных общим или административно-хозяйственным вопросам (Настоящим удостоверяю...), и употреблением глаголов в страдательном залоге (судом выносится приговор).

К особенностям юридических текстов также относится применение латинизмов, таких как *meas rea* — виновная воля, вина; *de jure* — юридически; *de facto* — фактически, др. и наличие сокращений: УПК — Уголовный Процессуальный Кодекс, ЗАГС — Запись Актов Гражданского Состояния и др. Наличие большого числа эпонимных и оттопонимических терминов в терминологическом корпусе прецедентного англо-американского права обусловлено персонифицированным характером права в прецедентных системах. Подобные термины обозначают законы, правовые доктрины, дела, ставшие, в частности, основой для изменения конституции США (доктрина Монро, акт Шермана и др.).

Исходя из того положения, что дискурс — это сложное коммуникативное явление и учитывая природу развития юридической науки в целом, мы рассматриваем юридический дискурс как особый тип институционального дискурса, семиотическое пространство которого характеризуется совокупностью вер-

бальных и невербальных знаков (и их вербальных коррелятов), формирующих различные формы общения, в которых субъект/объект, адресат/адресант речи (или одна из этих составляющих) имеют отношение к сфере юриспруденции.

Имена собственные в семиотическом пространстве юридического дискурса представлены следующими разновидностями: социальные, литературные и исторические. Первая разновидность имен собственных характеризует те объекты действительности, которые находят свое отражение в знаковой для адресата реальности и активизируют его знания о конкретных отдельных фактах, событиях, ситуациях, хорошо ему известных. Вторая разновидность коррелирует с информативной составляющей юридического дискурса, опирающейся в функциональном и содержательном плане на литературные знания их прототипов, прообразов литературных персонажей художественных произведений. Третья разновидность опирается на знания участников юридического дискурса о реальных исторических личностях и событиях, в которых исторические персонажи проявили себя в определенном роде деятельности. Оставаясь зависимыми от именуемого объекта, имена собственные в юридическом дискурсе обретают собственную объективность, которая состоит в том, что они конструируются согласно определенным общим правилам и появляются в данном типе дискурса как действительные объекты.

Реализуемые в юридическом дискурсе имена собственные характеризуются лексико-семантической спецификой, содержательными и прагматическими показателями. Показатели содержательного уровня имен собственных в структуре юридического дискурса отражают специфику экстенционала и интенционала имени как языкового знака, которые формируют его функционально-семантическое представление. Показатели прагматического уровня имени собственного указывают на область его функциональных возможностей как комплексного знака определять в юридическом дискурсе общема-

тегориальный характер антропонимов и топонимов.

Как отмечают современные исследователи, редукция субъекта в современном дискурсе препятствует пониманию коммуникативных процессов, протекающих в современном обществе. В связи с этим возникает необходимость в создании своеобразной лингвоюридической вертикали — теории имени собственного на уровне юридического дискурса с позиций субъектно-ориентированного подхода. Имя собственное в данном типе дискурса обладает такими функциональными характеристиками, которые репрезентируют его как комплексный знак в динамической модели суггестивного воздействия. Например, «катеньки», «керенки» ассоциируются с денежными купюрами у русских, а «брадбери» (казначейский билет достоинством в 1 фунт стерлингов, выпускавшийся в 1914–1928 гг.) — у англичан, так как подпись на этих казначейских билетах принадлежала секретарю казначейства Великобритании Дж. Брадбери.

Современный юридический дискурс, будучи самостоятельным видом институционального общения и находя отражение в различных типах текста, предстает коммуникативным событием, имеющим место в определенных социокультурных условиях, связан с определенными функциями участников общения, с общественными ритуалами и стереотипами. Имя собственное понимается нами как онтологическая инстанция социальной реальности, элемент терминосистемы юридического дискурса.

Огромное значение имеют лингвопрагматическая и национально-культурная специфика имени собственного в связи с его переводом с русского языка на английский и наоборот. Подобный подход позволяет рассматривать имя собственное с учетом социокультурных прагматических когнитивных языковых механизмов его употребления в отдельно взятом типе дискурса и в случаях его пересечения с другими видами дискурса. Ситуативная сфера, предполагающая исполнение этим лексико-грамматическим разрядом (именем собственным) лингвопрагмати-

ческих функций в юридическом дискурсе, ограничивается нормами речевого поведения, обычаем, ритуалом.

Мы попытались представить типологию имени собственного в юридическом дискурсе — символической структуре социального пространства, которыми опосредована самоидентификация социального субъекта.

Для контекстуального анализа имени собственного в юридическом дискурсе привлекались лексикографические и словарные источники, исторические и политические документы, тексты художественной литературы, учебные издания, тексты СМИ, электронные ресурсы на русском и английском языках, имеющие отношение к данному типу дискурса. Были использованы материалы, включающие юридические понятия российской системы права и систем англо-американского права Великобритании, США, Австралии, Новой Зеландии и Канады. Также были рассмотрены памятники римского права, на основе которого была развита система общего права (Common Law), проанализированы понятия, имеющие значение в мировой правовой практике, и, в частности, некоторые правовые понятия, входящие в правовые системы стран — бывших республик СССР.

В результате сплошной выборки было выявлено около двух тысяч имен собственных, которые были объединены в 22 группы по тематическому признаку: 1) имена собственные, входящие в состав или давшие названия известным политическим, юридическим документам (Магна Карта); 2) имена собственные, входящие в состав или давшие названия сборникам законодательных актов («Анналы» в Англии); 3) имена собственные, входящие в состав или давшие названия событиям государственной важности (Третьеиюньский переворот в 1907 году в России); 4) имена собственные — названия государственных праздников (День Австралии); 5) имена собственные — прозвища государств (Дядя Сэм — США); 6) имена собственные, входящие в состав конференций, съездов и т. п., во время которых были подписаны договоры, протоколы и др. (Потсдамская конференция

в 1945 году); 7) имена собственные, давшие названия устным и письменным обращениям, речам государственных деятелей («Прощальная речь Вашингтона» в 1796 году); 8) имена собственные, давшие названия государственным, юридическим учреждениям (Кремль, Лефортово); 9) имена собственные, входящие в состав и ставшие названиями знаменитых судебных процессов (Варшавский процесс, Львовский процесс); 10) имена собственные, входящие в состав названий или давшие названия политическим партиям, движениям и т. п. (партия «Яблоко»); 11) имена собственные — названия разведывательных, оперативных, следственных операций (операция «Лесополоса», проведенная в ходе следствия по делу ростовского убийцы-маньяка Чикатило); 12) прозвища известных государственных и политических деятелей, разведчиков, агентов спецслужб, преступников (Железный Феликс, Мата Хари, Паша-цветомузыка); 13) имена собственные, символизирующие правосудие, законность (Фемида, Немезида); 14) имена собственные, давшие названия или входящие в состав названий некоторых видов холодного, огнестрельного и химического оружия, наркотических веществ («кольт», автомат Калашникова, «Белый китаец» — наркотическое вещество); 15) имена собственные литературных персонажей и киногероев — сыщиков, следователей, преступников (Шерлок Холмс, Каменская); 16) имена собственные, входящие в состав или давшие названия некоторым законодательным актам (акт Вильямса); 17) имена собственные, входящие в состав некоторых правовых понятий (правила Миранды); 18) имена собственные, давшие названия лицам — участникам юридического дискурса («бобби» — британский полицейский); 19) имена собственные, входящие в состав громких судебных дел или входящие в состав названий дел, ставших прецедентами (дело Брауна — о сегрегации в школах США); 20) имена собственные, давшие названия доктринам, системам, теориям (доктрина Тобара, бертильонаж); 21) имена собственные, входящие в состав

некоторых понятий судебной медицины (пятна Тардье); 22) имена собственные, давшие названия различным казначейским билетам («керенки», «катеньки», «брадбери»).

На основе разработанной классификации были определены следующие разряды имен собственных, составляющих ономастическое пространство юридического дискурса: 1) антропонимы — а) личные имена, входящие в состав некоторых юридических понятий (например, «поправка Генриха VIII»), б) прозвища (Япончик), в) имя + прозвище (Джек Потрошитель, Иоанн Безземельный), г) патронимы (Киндерсюрпризых — Кириенко), д) фамилии, входящие в состав терминов (акт Шермана), е) имена нарицательные, образованные от фамилий (кольт), ж) имя + фамилия (судебный приказ по делу Антона Пиллера), з) имена собственные, образованные от нарицательных (Пентагон); 2) топонимы — а) названия государств, входящих в состав некоторых юридических понятий (Американская поправка), б) названия городов и других населенных пунктов (Варшавская конвенция), в) названия районов городов и других населенных пунктов (Бутырка, Лефортово), г) названия улиц городов и других населенных пунктов (Стокгольмский синдром), д) названия улиц городов и других населенных пунктов + числительное (Даунинг стрит, 10; Петровка, 38). В ходе исследования были определены следующие способы онимизации: 1) грамматическая (аффиксация, суффиксация); 2) семантическая (прямая, метафорическая, метонимическая).

В ходе анализа способов перевода имен собственных с английского языка на русский в различных текстах юридического дискурса нами были определены в качестве основных следующие способы перевода: 1) транскрипция (Albany — Олбани, мужская тюрьма на о. Уайт; от Олбани — исторического названия Шотландии); 2) транслитерация (borstal — борстал, учреждение для малолетних преступников; первое подобное заведение было открыто в Борстале, пригороде г. Рочестера в Великобритании); 3) калькирование (The White House — Белый Дом); 4) описа-

тельный способ (Janson clause — условие Дженсона, т. е. условие, согласно которому возмещаются убытки, превышающие 3% стоимости судна). Довольно часто употребляется способ традиционной передачи исторических имен (например, имен английских королей: Charles — Карл, Henry — Генрих) и комбинированный перевод, сочетая, например, способы транскрибирования и калькирования (Jack the Ripper — Джек Потрошитель).

Таким образом, юридический дискурс как особый тип институционального дискурса обладает специфическим семиотическим пространством, которое характеризуется определенным набором используемых в нем вербальных и невербальных знаков. К числу вербальных знаков семиотического пространства юридического дискурса относятся онимические знаки (имена собственные), антропонимы, т. е. имена собственные известных в данном социуме (или микросоциуме) людей, входящие в названия правовых понятий, доктрин и т. п. (например, суд Линча — самосуд, теория Ломброзо — теория прирожденного

преступника). Использование имен собственных в юридическом дискурсе обуславливается пресуппозиционной базой экстралингвистических знаний участников общения.

Основными признаками имени собственного в юридическом дискурсе можно считать тематическое структурирование, специфическое лексико-семантическое и стилистическое оформление, оценочность в рамках прагматической установки. Имена собственные в русском и английском юридическом дискурсе обладают значительным прагматическим потенциалом, что обусловлено языковыми свойствами и особенностями реализации данных средств самознания субъекта и присвоения знака Другому.

¹ Степанов Ю. С. Альтернативный мир. Дискурс, Факт и Принцип, Причинности // Язык и наука конца XX в. М., 1995. С. 38–39.

² Власенко Н. А. Язык права : монография. Иркутск, 1997. С. 18.

³ Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986. С. 231.